

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14783

EDN: ХНУФОJ



Образ «проклятого скитальца» в «Цыганах» А. С. Пушкина

Ю. А. Ростовцева

Интернет-портал «Азбука веры»

(г. Москва, Российская Федерация)

e-mail: rostoyuliya@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализирован образ «проклятого скитальца» Алеко в его типологической связи с Каином Байрона. Выявлены такие общие мотивы, как отсутствие покоя, изгнание в пустыню, тайная скорбь, inferнальное воздействие на героя и др. Сопоставив двух героев, автор статьи пришла к выводу, что, несмотря на общность мотивов, образ «проклятого скитальца» в произведениях Байрона и Пушкина интонационно различно окрашен. В отличие от «властителя дум», русский писатель не только не романтизирует страсти, но и воспекает подлинно христианские идеалы. Эти идеалы воплощены в тексте преимущественно благодаря образам «птички Божией» и раненого журавля, которому уподобляется Алеко. Основываясь на интертекстуальных связях «Цыган» с басней А. Н. Радищева «Журавли», автор исследования сделала вывод, что неосуждение грешника есть главный урок, который хотел преподать Пушкин на примере образа своего «бездомного скитальца». В статье проанализированы и рассмотрены некоторые положения из критических работ XIX в. о творчестве Пушкина: оценки Алеко В. Г. Белинским и В. Н. Олиным. Автор исследования пришла к выводу, что в «Цыганах» Пушкин развенчивает титанизм байронического героя, преобразуя его в мотив страдальческого одиночества страстной личности. При этом в поэме об Алеко доминирует мотив мира: его желает герою репрезентирующий волю автора старый цыган. И в этом произведении Пушкин остался верен своей лире и «милость к падшим призывал».

Ключевые слова: Пушкин, Байрон, тип, герой, байронический герой, проклятый скиталец, христианство, язычество

Для цитирования: Ростовцева Ю. А. Образ «проклятого скитальца» в «Цыганах» А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 1. С. 31–49. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14783. EDN: ХНУФОJ

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.14783

EDN: XHYFOJ

Image of the “Cursed Wanderer” in A. S. Pushkin’s “The Gypsies”

Julia A. Rostovtseva

Internet-Portal “Azbuka very”

(Moscow, Russian Federation)

e-mail: rostoyuliya@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the image of the “cursed wanderer” Aleko in his typological connection with Byron’s Cain. Such common motives as lack of inner peace, exile to the desert, secret sorrow, infernal influence on the hero, etc. are revealed. Comparing the two characters, the author of the article comes to the conclusion that despite the common motives, the images of the “cursed wanderer” in the works of Byron and Pushkin are essentially different. Unlike the “ruler of minds,” the Russian writer not only refrains from romanticizing passions, but also celebrates truly Christian ideals. These ideals are embodied in the text largely through the images of the “bird of God” and the wounded crane, to which Aleko is likened. Based on the intertextual connections of “The Gypsies” with A. N. Radishchev’s fable “Cranes,” the author of the study concludes that the non-condemnation of the sinner is the principal lesson that Pushkin wanted to impart using the image of his “homeless wanderer.” Certain provisions from the 19th-century criticism, specifically, the assessments of Aleko by V. G. Belinsky and V. N. Olin, are reviewed and reconsidered. As a result, the author concludes that in “The Gypsies” Pushkin debunks the titanism of the Byronic hero, transforming it into a motif of suffering loneliness of a passionate persona. At the same time, the motif of peace, which the old gypsy, representing the author’s will, wishes for the hero, dominates in the poem about Aleko. Thus, Pushkin once again remained faithful to his lyre and “called for mercy to the fallen.”

Keywords: Pushkin, Byron, type, hero, Byronic hero, cursed wanderer, Christianity, paganism

For citation: Rostovtseva Ju. A. Image of the “Cursed Wanderer” in A. S. Pushkin’s “The Gypsies”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2025, vol. 23, no. 1, pp. 31–49. DOI: 10.15393/j9.art.2025.14783. EDN: XHYFOJ (In Russ.)

Трудно найти романтика, в творчестве которого не обнаруживается интерес к кому-либо из «проклятых скитальцев» — Агасферу, Каину или Летучему голландцу [Зыкова: 53]. Если говорить о Пушкине, то первый «несчастный скиталец» появляется в его творчестве вместе с выходом в свет поэмы «Цыганы» (1827). Именно так в знаменитой «Пушкинской речи» назвал Алеко Достоевский [Достоевский: 137]. Подобный герой представляет собой отрицательный тип человека, оторванного от почвы. Как справедливо выразился В. Н. Захаров, «для Достоевского "почва" — все, что родит и роднит: народ, родина, родная речь, родная земля. Их объединяет тайна, которая заключается в том, что Россия — хранительница православия, что "идеал народа — Христос"» [Захаров: 14]. Оторванный от православия, отошедший от истинного Бога, потерявший путь, беспутный, скиталец — связь с христианской традицией здесь очевидна. Однако есть и другая связь.

В 1821 г. к образу первого скитальца на земле обращается Дж. Г. Байрон. В драматической мистерии о Каине «нашла свое выражение квинтэссенция байронического богоборчества» [Виролайнен: 183]. Вопрос о влиянии Байрона на Пушкина изучен¹. Известно, что поэт читал «властителя дум» на языке-оригинале [Баевский, 1996: 5], а влияние его творчества отразилось уже в «Руслане и Людмиле» [Топоров: 208]. Вяземский прямо указывал: «Вероятно, не будь Байрона, не было бы и поэмы "Цыганы" в настоящем их виде» [Вяземский: 318]. Ту же зависимость отмечали И. В. Киреевский [Киреевский: 51] и С. П. Шевырев².

Вместе с тем в прижизненной критике не упоминалось о сходстве двух персонажей: байроновского и пушкинского³.

¹ См.: Сиповский В. В. Пушкин, Байрон и Шатобриан. СПб.: Тип. В. Демакова, 1899. 32 с.; Дашкевич Н. Отголоски увлечения Байроном: разочарования, грезы о свободе вне цивилизованного общества и сомнения в поэзии Пушкина // Пушкин. СПб.: Изд. Брокгауза — Ефрона, 1908. С. 424–450. (Библиотека великих писателей под ред. С. А. Венгерова; т. II); Веселовский А. Этюды о байронизме. Западные литературы // Веселовский А. Этюды и характеристики. М.: Типо-литография т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912. Т. I. С. 415–424; [Жирмунский], [Фридлиндер], [Болтовская].

² Шевырев С. П. Обзорение русской словесности за 1827 год // Московский Вестник. 1828. № 1. Ч. 7. С. 67.

³ Позднее появляются параллели между Гяуром и пушкинским героем, между Корсаром и Алеко. См.: [Купреянова, Макогоненко: 212], [Мустафина].

Впервые типология Каин — Алеко была заявлена в трудах Вяч. Иванова. Критик усмотрел три формации, указывающие на постепенное вызревание «Цыган». В основе первой, по его мысли, лежало «трагическое чувство роковой отчужденности индивидуалиста-мятежника, скитальца Каина» [Иванов: 201]. Позднее Ю. В. Манн сопоставил мир первых людей, описанный Байроном, с цыганской общиной Пушкина, привел Алеко и Каина к общему знаменателю буйной страсти [Манн, 2007: 100]. На этом история сопоставления двух героев была исчерпана. В настоящей статье предлагается вновь обратиться к заявленной проблематике, чтобы с ее помощью проанализировать образ «проклятого скитальца» в «Цыганах».

Первое семантически окрашенное слово, которым обрамляется образ Алеко, — это пустыня. Примечательно, что изначально вместо него стояло «распутие», которое имело другой, отличный от конечного текста коррелят: *распутие* — (*цыганский*) закон.

Черновая редакция

«Отец мой дева говорит —
Я привела тебе родного —
Я на *распутии* нашла
Красавца друга молодого —
И к нам зазвала...
Ему по нраву наш закон...»
[Пушкин, 1994: 409].

Итоговый текст

«Отец мой, — дева говорит, —
Веду я гостя; за курганом
Его в *пустыне* я нашла
И в табор на ночь зазвала...
Его преследует закон...»
[Пушкин, 1994: 180].

Оставить все в первоначальном виде — не отвечало пушкинскому замыслу, ведь цыгане «дики», у них нет законов. Однако представляется, что, инкорпорируя в текст слово «пустыня», автор апеллировал к древнейшему архетипу: грех — пустыня. Издревле пустыня являлась местом изгнания за злодеяния. Туда в Ветхом Завете выставляется козел отпущения, туда же отправляются оплакивать свои падения христианские святые (напр., преподобная Мария Египетская). Исходя из контекста, можно предположить, что Алеко уже расплачивается своими скитаниями за какой-то смертоносный грех. И хотя блуждания героя лежат где-то за гранью поэтического рассказа, некие намеки («его преследует закон»), указание на уснувшие до времени страсти и, наконец, произнесение Алеко в «страшных

мечтах» другого имени свидетельствуют о том, что в его жизни уже совершено преступление [Томашевский; кн. 1: 617], [Манн, 1976: 79–80, сноска 66], из-за чего весь образ героя приобретает черты бунтаря и богоборца. Примечательно, что предтеча пушкинского «убийцы» — байроновский Каин — после совершенного им греха также изгоняется первыми людьми в пустыню:

«Да будут же над ним
Проклятья всех живущих, и в мученьях
Пусть он бежит в пустыню, как бежали
Из рая мы...» [Байрон: 460].

Так, пустыня является тем локусом, который «объединяет» героев.

Библейский Каин «был от лукавого» (1 Ин. 3:12). То же можно сказать и о байроновском герое. Неслучайно Люцифер узнает в нем своего почитателя: «Но не поклонник Бога — мой поклонник» [Байрон: 399]. Следствием гордыни является бесприютность. Так, Каин начинает скитаться до того момента, как будет обречен Творцом на скитальчество:

«Он не страшнее тех, что потрясают
Горящими мечами пред вратами,
Вокруг которых часто я *скитаюсь*,
Чтоб на свое законное наследье —
На райский сад взглянуть хотя мельком,
Скитаюсь до поры, пока не скроет
Ночная тьма Эдема и бессмертных
Эдемских насаждений...» (здесь и далее в цитатах
полужирный курсив мой. — Ю. Р.)
[Байрон: 389].

«Изгнанником» на страницах пушкинской поэмы предстает и Алеко [Пушкин, 1994: 183].

Драма бунтарской души разворачивается в обоих произведениях на фоне *locus amoenus*⁴. Райские коннотации присутствуют в описании первой человеческой семьи и цыганского табора. На общину цыган как идеализированный образ «золотого века» указывал еще современник Пушкина И. В. Киреевский:

⁴ прелестный уголок (*лат.*).

«Подумаешь, автор хотел представить золотой век, где люди справедливы, не зная законов; где страсти никогда не выходят из границ должного; где все свободно, но ничто не нарушает общей гармонии, и внутреннее совершенство есть следствие не трудной образованности, но счастливой неиспорченности совершенства природного» [Киреевский: 50]. Впоследствии Вяч. Иванов назвал описанный Пушкиным цыганский табор «раем первобытной гармонии», в котором «нарушение равновесия живых сил возникает не иначе, как по вине извечно той же древней Евы или Пандоры» [Иванов: 198].

Казалось бы, в «Каине» описанию райской действительности не должно быть места, ведь первые люди обречены на скорбь (Быт. 3:16–19). Однако и здесь присутствует мотив легкого труда и добывания пищи, столь характерный для описания земного рая:

«Адам

Молитва наша кончена, идемте
К своим трудам урочным, не тяжелым,
Но все ж необходимым: нивы щедро
Нам воздают за малый труд» [Байрон: 388].

«Ада

<...>

Я за тобой: уж полдень, — наступает
Час отдыха и радости» [Байрон: 401].

Скорбь и ропот на унаследованную долю присутствуют лишь в словах Каина, в то время как его присные беспрестанно славословят Бога и пребывают в состоянии, которое можно было бы описать как блаженное. И если чета первых людей, их дети (кроме Каина) обладают истинным благочестием, цыгане Бессарабии, по собственному наблюдению Пушкина, «отличаются перед прочими большей нравственной чистотой» [Пушкин, 1978: 15]. Словно развивая его мысль, Ю. Манн замечал об этом народе: «Воля существует здесь без жестокости, жизнелюбие без алчности и хищничества. Наоборот, и воля, и жизнелюбие, и гостеприимство совмещаются с терпимостью и душевной мягкостью» [Манн, 2007: 96]. Совершенно отличны, резко контрастны на этом фоне образы духовных скитальцев.

Так, байроновский Каин восстает и против молитвы, и против первой Божественной заповеди — о труде (Быт. 2:15):

«Я никогда еще
Пред божеством отца не преклонялся...» [Байрон: 399];
«Трудись, трудись! Но почему я должен
Трудиться? Потому, что мой отец
Утратил рай. Но в чем же я виновен?» [Байрон: 389].

Гордый Алеко противится законам гражданским, общественным и, надо полагать, Божественным, «так выявляется центральная в сюжете поэмы оппозиция страсти — нравственный закон» [Жилина, 2009: 74]. Как носители сильных страстей, «проклятые скитальцы» Байрона и Пушкина не имеют внутреннего мира. Каин восклицает:

«Ничто не даст душе моей покоя,
Да я и никогда, со дня рожденья,
Не знал его» [Байрон: 451].

В «Цыганах» данный мотив обрамлен особой риторикой. Как показал Б. Томашевский, одно из важнейших «словарных гнезд» поэмы — эпитеты «мирный», «тихий», применимые к цыганскому табору [Томашевский; кн. 1: 648]. Алеко становится «вольным жителем мира» [Пушкин, 1994: 183] цыган, но так и не обретает душевного успокоения. Косвенной причиной отсутствия мира является инфернальное существо, которое воздействует на героя. В первом случае это Люцифер. Во втором — «домашний дух» [Пушкин, 1994: 191], который ночью мучит **бездомного** скитальца. Во сне Алеко видит «страшные мечты» [Пушкин, 1994: 192] и произносит «другое имя» [Пушкин, 1994: 191]. Так, пушкинский герой наследует байроновскому Каину, который, согласно проклятию, «грезит во сне своею жертвой» [Байрон: 460].

Другой общий мотив — мотив тайной скорби. Каин — носитель потаенной печали — с особой силой предается ей после убийства брата (ср.: «Ева. <...> Да будет он снедаем вечной скорбью...» [Байрон: 459]), в то время как Алеко уже имеет «грусти тайную причину» [Пушкин, 1994: 183] как следствие необузданных страстей, ставших источником какого-то раннего

греха [Пушкин, 1994: 180]. О мировой скорби как о романтически прекрасной черте байронического героя написано немало [Елистратова: 3], [Кургинян: 10]. Подобный взгляд приводится в «Литературной энциклопедии» 1931 г.: «Поколения анонимных слагателей легенд о Каине, писателей и поэтов, утверждали этот традиционный взгляд на Каина, воспитывали вековое презрение к нему. Байрон опрокинул традицию, объявил Каина праотцем свободного человеческого духа и приковал к нему внимание всех мыслящих современников. Поколение Байрона без конца повторяло, что Каин — не презренный, не изверг, а символ мировой скорби» [Нусинов: стлб. 49]. Пожалуй, в этом отличительная черта пушкинского гения применительно к «Цыганам» — он не романтизирует страсти. Примечательно высказывание П. В. Анненкова: хотя Алеко и навеян Байроном, «трагического величия героев его в нем нет нисколько» [Анненков: 136]. Показывая духовный путь своего героя, писатель «вскрывает общую психологическую закономерность: пытаюсь во всем утвердить свою волю, отвергнув Нравственный Закон, человек тем самым отдает свою душу во власть темным стихиям» [Жилина, 2008: 10].

В двойном убийстве Алеко и воздействии этого преступления на цыганскую общину Ю. Манн усмотрел сходство с преступлением героя Байрона: «... применительно к действию поэмы можно повторить сказанное Циллой: "В мир смерть вошла". Потому что цыганская община имеет свою историческую память (в форме предания), которая еще не успела зафиксировать ничего подобного тому, что совершил Алеко» [Манн, 2007: 107]. Любопытно, что Л. Флейшман, исследуя семантический уровень пушкинской поэмы, также описывал цыганский табор как «мир, не знающий "смерти"» [Флейшман: 31]. Когда в мир входит смерть (рукою Каина или Алеко), то она поражает своих творцов тяжким сном души. Укажем лишь на то оцепенение, в которое впадают оба персонажа после совершения убийства. Каин не понимает, где он:

«Так где же я? Во сне иль наяву,
В каком-то страшном мире? Все кружится
В глазах моих...» [Байрон: 457].

Внутренний монолог Алеко не представлен в «Цыганах», но по действиям героя также можно судить о некоем обмирании: на протяжении всего того времени, пока убитых предают земле, он пребывает недвижим:

«Алеко за холмом,
С ножом в руках, окровавленный
Сидел на камне гробовом» [Пушкин, 1994: 201].

До первого человекоубийства байроновский Люцифер указывает Аде, жене Каина, на семя переполненного ада, которое она и все люди носят в своей груди. Семя ада — это то самое «семя тли», о котором говорится во 2-й молитве (святого Антиоха) из молитв на сон грядущим: «...не остави мене, яко семя тли во мне есть»⁵. Апостол Павел предупреждает: «Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6: 7–8). В этом смысле можно сказать, что личные грехи, поступки «от плоти», являются «семенами тления». В поэме Пушкина также есть носитель подобных семян. «Но, Боже, как играли страсти <...> в его измученной груди» [Пушкин, 1994: 184], — говорится об Алеко.

Греческий ученый-богослов митрополит Иерофей (Влахос), отвечая на вопрос «Что такое страсти?», поясняет: «Слово "страсть", как легко видеть, происходит от глагола "страдать" и обо-значает внутреннюю болезнь»⁶. Болезнь — это то, что тяготит, мучает. В словах Пушкина мы замечаем мотив этого самого мучения — «*измученной* груди». Следует отметить, что в границах всего одной строчки лирического отступления сразу три слова маркированы сакрально: «Бог», «страсти» и «измученной». Они указывают на христианство как аксиологическую систему автора⁷.

⁵ Канонник, или Полный молитвослов. СПб.: Домострой, 2001. С. 273.

⁶ Иерофей (Влахос), митр. Православная психотерапия: святоотеческий курс врачевания души. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2005. С. 111.

⁷ Н. П. Жилина первой указала на то, что «понятие *страсти* как таковое принадлежит совершенно определенной системе мировоззрения, а именно: христианству, так же как представление о "коварной и слепой" Судьбе — язычеству» [Жилина, 2008: 8].

Отметим, что Алеко изначально создавался Пушкиным как представитель языческой картины мира. Так, знаменательно, что в черновиках к «Цыганам» тема насмешки над истинной верой проступала еще более рельефно:

Черновая редакция	Итоговый текст
«Любви стыдятся, мысли гонят <i>У суеверных алтарей</i> Главы пред идолами клонят И молят денег и цепей» [Пушкин, 1994: 440].	«Любви стыдятся, мысли гонят, <i>Торгуют волею своей,</i> Главы пред идолами клонят И просят денег да цепей» [Пушкин, 1994: 185].

Согласно словарю Д. Н. Ушакова, суеверие значит «религиозный предрассудок, представляющий явления и события в жизни проявлением чудесных сверхъестественных сил»⁸. То, что для Алеко как представителя XIX столетия *суеверным* мог быть алтарь, очень символично. Впоследствии религиозно окрашенное «у суеверных алтарей» было заменено на «торгуют волею своей», но это не изменило ценностных установок героя в конечном тексте: очевидно, что вместе с оковами просвещения Алеко презирает и уставы христианской религии. Характерно тождество Д. С. Мережковского: «Алеко — культура и язычество» [Мережковский: 115].

Совершенно иной идеал — авторский. Он представлен в виде образа «птички Божьей»:

«Птичка Божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда;
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдет,
Птичка гласу Бога внемлет,
Встрепенется и поет» [Пушкин, 1994: 183].

⁸ Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. Т. IV: С — Ящурный. Стлб. 585.

С помощью этого образа, по словам Вяч. Иванова, Пушкин «прямо противопоставляет богоборству абсолютной самоутверждающейся личности идею религиозную» [Иванов: 216]. Едва ли похож на «птичку Божию» Алеко, которого манит дальняя звезда «волшебной славы», роскошь и забавы. Вместе с тем в границах небольшой поэмы Алеко дважды уподобляется птице. Образ раненого журавля признавался пронзительным (см.: [Фридман: 118]), но до сих пор не высказано идеи, для чего он нужен Пушкину. Представляется, что с его помощью автор хотел вызвать сострадание к своему герою и в то же время призвать читателя не судить его. Примечательны интертекстуальные связи, на которые указал Н. В. Фридман: «Трагическая сущность этого сравнения особенно полно и резко выявляется при его сопоставлении с близким к нему местом предромантической басни Радищева "Журавли"», которую Пушкин считал элегией не без достоинств [Фридман: 119]. В этом произведении выводится образ раненой птицы, над которой смеются ее пернатые собратья, но дидактизм «басни» поражает: «насмешники в воду упали», а раненый журавль «землю узрел, вожделенну душею, / Ясное небо и тихую пристань» [Радищев: 126]. В свете ретроспективной проекции Пушкин как будто провозгласил: наблюдайте «каждый за собою, чтобы не быть искушенным» (Гал. 6:1) и «не судите» (Мф. 7:1): тот, кто сегодня пал, еще может достигнуть цели. Этот подспудный смысл, к сожалению, не был выявлен критиками. Так, Белинский увидел в поэме «страшную сатиру» на Алеко «и на подобных ему людей», «суд неумолимо трагический и вместе с тем горько иронический» [Белинский: 386]. Однако автор не судит своего героя уже потому, что старый цыган, который в поэме «сродни резонерам XVIII в. или хору античной трагедии» [Томашевский; кн. 1: 618], не выносит ему обвинительного приговора. В словах старика: «Оставь нас...» [Пушкин, 1994: 201], «Прости, да будет мир с тобою...» [Пушкин, 1994: 202] — слышно эхо признаний байроновского Адама: «Иди от нас: мы жить не можем вместе» и «Я не клян» [Байрон: 461].

Мотив мира — то, чем отличается русская поэма от английской мистерии. Пребудет ли на Каине мир? Достоин ли он мира? Этот вопрос остается открытым и не разрешенным даже для самого героя. Произведение заканчивается словами

Ады об Авеле: «Мир ему!» — и тревожным вопрошанием Каина: «А мне?» [Байрон: 466]. В «Цыганах» старик, репрезентирующий волю автора, желает Алеко мира. И, надо полагать, в этом милостивом пожелании мерцает суждение Пушкина. Критик первой половины XIX в. В. Н. Олин назвал Алеко «существом несколько морально-безобразным, конвульсивным, вышедшим из обыкновенного или натурального состояния души» [Олин: 200]. Совсем иное впечатление, думается, пытался произвести на читателя своим раненым «журавлем» Пушкин. И в этом произведении он остался верен своей лире и «милость к падшим призывал».

Как справедливо заметили М. Новикова и позднее В. Баевский [Баевский, 2011: 57], в образе «птички Божией» можно увидеть евангельскую реминисценцию: «песня эта внятно отзывается евангельской притче о птицах небесных» [Новикова: 263], которые, как сказано Спасителем, «ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы», но «Отец <...> Небесный питает их» (Мф. 6:26). Однако в поэме Пушкина нет таких «птиц». Ни Земфира, которая, по словам старого цыгана, «вольнее птицы», ни Алеко, ни сам старик не отвечают этому высокому идеалу. Все герои находятся в одной, языческой, плоскости. Злой изменой Земфиры Пушкин как бы дает понять, что и в этом, почти идиллическом, мире господствуют «страсти роковые». В силу того, что страсти именно **«роковые»**, а рок — это языческая категория⁹, и «от судеб защиты нет»¹⁰. Что привело Земфиру к смерти? Скука. «Мне скучно! Сердце воли просит» [Пушкин, 1994: 191]. Что испытал по ее смерти старый цыган? «Немое бездействие печали» [Пушкин, 1994: 201]. Но будь они, да и сам раненый свинцом страсти Алеко действительно подобны птичке Божией, которая «гласу Бога внемлет», не было бы ни скуки, ни горя. Сравним:

⁹ Так, «в греч. мифологии и в мистических представлениях — потусторонняя сила или воля божества, предрешающая события человеческой и вообще земной жизни». См.: Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1940. Т. IV: С — Ящурный. Стлб. 585.

¹⁰ По наблюдению С. Г. Бочарова, «"страсти" Алеко — его "судьба", которую он носит в себе, от которой "защиты нет"» [Бочаров: 11].

*«Людам скучно, людам горе;
Птичка в дальние страны,
В теплый край, за сине море
Улетает до весны»* [Пушкин, 1994: 183].

Благодаря этому христианскому смыслу, который мерцает в поэме, стоит не согласиться с тем, что в «Цыганах» Пушкин «решил вопрос о страстях как романтик особого типа, выдвигающий один из вариантов языческого, греческого понятия судьбы и вместе с тем влюбленный в жизнь, в "земную" природу человека» [Фридман: 127]. В образе «птички Божьей» автором дан поистине прекрасный, *небесный* идеал, которому в его поэме, увы, просто не нашлось соответствий.

Итак, в «Цыганах» Пушкин развенчивает величественный титанический образ «проклятого скитальца», преобразуя его в уязвимый страстью, достойный сострадания. Справедливы слова Д. Д. Благого, что суровый приговор старика-цыгана относится не к одному лишь Алеко. Уже в первой главе «Евгения Онегина» Пушкин назвал «поэтом гордости» Байрона. «Слова старика-цыгана: "Оставь нас, гордый человек" — определяют отношение к "байроническому" герою, герою-индивидуалисту самого Пушкина» [Благой: 326] — поэта, который всего через два года провозгласит самоотверженное и смиренное служение лире и людям в своем «Пророке».

Список литературы

1. Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М.: Современник, 1984. 481 с. (Сер.: Б-ка «Любителям рос. словесности».)
2. Баевский В. С. Присутствие Байрона в «Евгении Онегине» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. № 6. С. 4–14 [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=rPmLuP6tYYM%3D&tabid=10358&ysclid=m71x-ijbzt189170929> (04.12.2024).
3. Баевский В. С. Библейские темы, мотивы и образы в «Цыганах» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 1. С. 56–57 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16553452_54093301.pdf (04.12.2024). EDN: NYGFOH
4. Байрон Дж. Г. Соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 2: Поэмы и трагедии; Из публицистики. 542 с.

5. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья седьмая // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 7: Статьи и рецензии. 1843. Статьи о Пушкине. 1843–1846. 799 с.
6. Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813–1826). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 580 с.
7. Болтовская Л. Н. Образ свободы в творчестве А. С. Пушкина и Д. Г. Байрона // Христианское чтение. 2015. № 4. С. 186–200 [Электронный ресурс]. URL: <https://scientific-journals-spbda.ru/f/2015-04-07.pdf> (04.12.2024). EDN: UMPYUD
8. Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974. 207 с.
9. Виролайнен М. Н. Богоборчество Байрона в транскрипции Достоевского // Великий романтик. Байрон и мировая литература: сб. ст. М.: Наука, 1991. С. 176–186. EDN: MFGEIW
10. Вяземский П. А. «Цыганы». Поэма Пушкина // Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827 / Пушкин. комис. Рос. акад. наук; Гос. Пушкин. театр. центр в Санкт-Петербурге. СПб.: Гос. Пушкин. театр. центр, 1996. С. 317–322. (Сер.: Пушкинская премьера.)
11. Достоевский Ф. М. «Дневник Писателя» на 1880 год // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 26. С. 129–174.
12. Елистратова А. Джордж Гордон Байрон // Байрон. Избр. произв. М.: Гослитиздат, 1953. С. 3–22.
13. Жилина Н. П. «Гордый человек» в поэме А. С. Пушкина «Цыганы» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия: Филология. 2008. № 2 (12). С. 6–12 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gordyy-chelovek-v-poeme-a-s-pushkina-tsygany/viewer> (04.12.2024).
14. Жилина Н. П. Творчество А. С. Пушкина в контексте христианской аксиологии: онтологический и антропологический аспекты. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. 311 с. EDN: RAOIGT
15. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы: избр. тр. Л.: Наука, 1978. 424 с.
16. Захаров В. Н. Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. Вып. 10. С. 14–24 [Электронный ресурс]. URL: https://roetica.pro/files/redaktor_pdf/1457946697.pdf (04.12.2024). EDN: PIXFFX
17. Зыкова Е. П. Романтическое странствие как проклятие: путь в никуда // Романтизм. Вечное странствие: сб. ст. М.: Наука, 2005. Вып. 3. С. 51–73. (Сер.: Культура романтизма.) EDN: RUJFWV
18. Иванов Вяч. О «Цыганах» Пушкина // Иванов Вяч. Лик и личины России: эстетика и литературная теория. М.: Искусство, 1995. С. 196–222. (Сер.: История эстетики в памятниках и документах.)
19. Киреевский И. В. Нечто о характере поэзии Пушкина // Киреевский И. В. Критика и эстетика / сост., вступ. ст. и примеч. Ю. В. Манна. М.: Искусство, 1979. С. 43–55. (Сер.: История эстетики в памятниках и документах.)

20. Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы: очерки и характеристики. Л.: Наука, 1976. 413 с.
21. Кургинян М. Путь Байрона-художника // Байрон Дж. Г. Соч.: в 3 т. М.: Худож. лит., 1974. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. С. 5–22.
22. Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976. 375 с.
23. Манн Ю. В. Русская литература XIX века: эпоха романтизма. М.: РГГУ, 2007. 518 с.
24. Мережковский Д. Пушкин // Пушкин в русской философской критике. Конец XIX — первая половина XX вв. М.: Книга, 1990. С. 92–160.
25. Мустафина Е. А. К типологии образа романтического героя в поэмах Дж. Г. Байрона «Корсар» и А. С. Пушкина «Цыганы» // Говор: альманах. 1998. № 6. С. 3–6. EDN: KVNUTX
26. Новикова М. Пушкинский космос: языческая и христианская традиции в творчестве Пушкина / Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наследие, 1995. 353 с. (Сер.: Пушкин в XX веке: ежегодное издание Пушкинской комиссии.)
27. Нусинов И. Каин // Литературная энциклопедия: в 11 т. [М.]: Ком. акад., 1931. Т. 5. Стлб. 30–49.
28. Олин В. Н. Взгляд на стихотворение А. Пушкина под названием «Цыганы» // Пушкин в прижизненной критике. 1828–1830. СПб.: Гос. Пушкин. театр. центр, 2001. С. 196–200. (Сер.: Пушкинская премьера.)
29. Пушкин А. С. <Примечания к «Цыганам»> // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 7: Критика и публицистика. С. 15–16.
30. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Воскресенье, 1994. Т. 4: Поэмы, 1817–1824. 515 с.
31. Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. 506 с.
32. Томашевский Б. Пушкин: [в 2 кн.] / отв. ред. В. Г. Базанов; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956–1961.
33. Топоров В. Н. Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы (к постановке вопроса). Wien: Gesellschaft zur Förderung slawistischer Studien, 1992. 225 с. (Сер: Wiener slawistischer Almanach; Sonderband 29.)
34. Флейшман Л. К описанию семантики «Цыган» // Флейшман Л. От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: НЛЮ, 2006. С. 31–45.
35. Фридлиндер Г. М. Поэмы Пушкина 1820-х годов в истории эволюции жанра поэмы в мировой литературе. (К характеристике повествовательной структуры и образного строя поэм Пушкина и Байрона) // Пушкин. Исследования и материалы / АН СССР Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: Наука, 1974. Т. 7: Пушкин и мировая литература. С. 100–122.
36. Фридман Н. В. Романтизм в творчестве А. С. Пушкина. М.: Просвещение, 1980. 191 с.

References

1. Annenkov P. V. *Materialy dlya biografii A. S. Pushkina* [Materials for the Biography of A. S. Pushkin]. Moscow, Sovremennik Publ., 1984. 481 p. (Ser.: Library "For Lovers of Russian Literature".) (In Russ.)
2. Baevskiy V. S. Byron's Presence in "Eugene Onegin". In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 1996, vol. 55, no. 6, pp. 4–14. Available at: <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=rPmLuP6tYYM%3D&tabid=10358&ysclid=m71xipjbzt189170929> (accessed on December 4, 2024). (In Russ.)
3. Baevskiy V. S. Biblical Themes, Motifs and Images in "The Gypsies". In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2011, vol. 70, no. 1, pp. 56–57. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16553452_54093301.pdf (accessed on December 4, 2024). EDN: NYGFOH (In Russ.)
4. Byron G. G. *Sochineniya: v 3 tomakh* [Works: in 3 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1974, vol. 2: Poems and Tragedies; from Journalism. 542 p. (In Russ.)
5. Belinskiy V. G. Works of Alexander Pushkin. Article Seven. In: *Belinskiy V. G. Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [Belinsky V. G. The Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 7: Articles and Reviews. 1843. Articles About Pushkin. 1843–1846. 799 p. (In Russ.)
6. Blagoy D. D. *Tvorcheskiy put' Pushkina (1813–1826)* [The Creative Path of Pushkin (1813–1826)]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. 580 p. (In Russ.)
7. Boltovskaya L. N. The Image of Freedom in the Works of A. S. Pushkin and G. G. Byron. In: *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2015, no. 4, pp. 186–200. Available at: <https://scientific-journals-spbda.ru/f/2015-04-07.pdf> (accessed on December 4, 2024). EDN: UMPYUD (In Russ.)
8. Bocharov S. G. *Poetika Pushkina. Ocherki* [Poetics of Pushkin. Essays]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 207 p. (In Russ.)
9. Virolaynen M. N. Byron's Theomachy in Dostoevsky's Transcription. In: *Velikiy romantik. Bayron i mirovaya literatura: sbornik statey* [The Great Romantic. Byron and World Literature: a Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 176–186. EDN: MFGEIW (In Russ.)
10. Vyazemskiy P. A. "The Gypsies". Pushkin's Poem. In: *Pushkin v prizhiznennoy kritike. 1820–1827* [Pushkin in Lifetime Criticism. 1820–1827]. St. Petersburg, State Pushkin Theater Center Publ., 1996, pp. 317–322. (Ser.: Pushkin Premiere.) (In Russ.)
11. Dostoevskiy F. M. "A Writer's Diary" for 1880. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, vol. 26, pp. 129–174. (In Russ.)

12. Elistratova A. George Gordon Byron. In: *Bayron. Izbrannyye proizvedeniya* [Byron. Selected Works]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1953, pp. 3–22. (In Russ.)
13. Zhilina N. P. “Proud Man” in A. S. Pushkin’s “The Gypsies”. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. Seriya: Filologiya* [Pushkin Leningrad State University Journal. Series: Philology], 2008, no. 2 (12), pp. 6–12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gordyy-chelovek-v-poeme-a-s-pushkina-tsygany/viewer> (accessed on December 4, 2024). (In Russ.)
14. Zhilina N. P. *Tvorchestvo A. S. Pushkina v kontekste khristianskoy aksiologii: ontologicheskyy i antropologicheskyy aspekty* [The Works of A. S. Pushkin in the Context of Christian Axiology: Ontological and Anthropological Aspects]. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University Publ., 2009. 311 p. EDN: RAOIGT (In Russ.)
15. Zhirmunskiy V. M. *Bayron i Pushkin. Pushkin i zapadnye literatury: izbrannyye trudy* [Byron and Pushkin. Pushkin and Western Literatures: Selected Works]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 424 p. (In Russ.)
16. Zakharov V. N. Pochvennichestvo in Russian Literature: the Metaphor as Ideologeme. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, issue 10, pp. 14–24. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1457946697.pdf (accessed on December 4, 2024). EDN: PIXFFX (In Russ.)
17. Zykova E. P. Romantic Journey as a Curse: a Path to Nowhere. In: *Romantizm. Vechnoe stranstvie: sbornik statey* [Romanticism. Eternal Journey: a Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., 2005, issue 3, pp. 51–73. (Ser.: The Culture of Romanticism.) EDN: RUJFWV (In Russ.)
18. Ivanov Vyach. About Pushkin’s “The Gypsies”. In: *Ivanov Vyach. Lik i lichiny Rossii: estetika i literaturnaya teoriya* [Ivanov Vyach. The Face and Masks of Russia: Aesthetics and Literary Theory]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1995, pp. 196–222. (Ser.: History of Aesthetics in Monuments and Documents.) (In Russ.)
19. Kireevskiy I. V. Something About the Character of Pushkin’s Poetry. In: *Kireevskiy I. V. Kritika i estetika* [Kireevsky I. V. Criticism and Aesthetics]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979, pp. 43–55. (Ser.: History of Aesthetics in Monuments and Documents.) (In Russ.)
20. Kupreyanova E. N., Makogonenko G. P. *Natsional’noe svoeobrazie russkoy literatury: ocherki i kharakteristiki* [National Originality of Russian Literature: Essays and Characteristics]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 413 p. (In Russ.)
21. Kurginyan M. The Path of Byron the Artist. In: *Bayron Dzh. G. Sochineniya: v 3 tomakh* [Byron G. G. Works: in 3 Vols]. Moscow, Khudozestvennaya literatura Publ., 1974, vol. 1, pp. 5–22. (In Russ.)
22. Mann Yu. V. *Poetika russkogo romantizma* [Poetics of Russian Romanticism]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 375 p. (In Russ.)

23. Mann Yu. V. *Russkaya literatura XIX veka: epokha romantizma* [Russian Literature of the 19th Century: the Era of Romanticism]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 2007. 518 p. (In Russ.)
24. Merezhkovskiy D. Pushkin. In: *Pushkin v russkoy filosofskoy kritike. Konets XIX — pervaya polovina XX vv.* [Pushkin in Russian Philosophical Criticism. The End of the 19th — the First Half of the 20th Centuries]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 92–160. (In Russ.)
25. Mustafina E. A. On the Typology of the Image of a Romantic Hero in the Poems of G. G. Byron “The Corsair” and A. S. Pushkin “The Gypsies”. In: *Govor: al'manakh*, 1998, no. 6, pp. 3–6. EDN: KVHYTX (In Russ.)
26. Novikova M. *Pushkinskiy kosmos: yazycheskaya i khristianskaya traditsii v tvorchestve Pushkina* [Pushkin's Cosmos: Pagan and Christian Traditions in Pushkin's Works]. Moscow, Nasledie Publ., 1995. 353 p. (Ser.: Pushkin in the 20th Century: Annual Edition of the Pushkin Commission.) (In Russ.)
27. Nusinov I. Cain. In: *Literaturnaya entsiklopediya: v 11 tomakh* [Literary Encyclopedia: in 11 Vols]. Moscow, Kommunisticheskaya akademiya Publ., 1931, vol. 5, column 30–49. (In Russ.)
28. Olin V. N. A Look at the Poem by A. Pushkin Titled “The Gypsies”. In: *Pushkin v prizhiznennoy kritike. 1828–1830* [Pushkin in Lifetime Criticism. 1828–1830]. St. Petersburg, State Pushkin Theater Center Publ., 2001, pp. 196–200. (Ser.: Pushkin Premiere.) (In Russ.)
29. Pushkin A. S. Notes to “The Gypsies”. In: *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochineniy: v 10 tomakh* [Pushkin A. S. The Complete Works: in 10 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, vol. 7: Criticism and Journalism, pp. 15–16. (In Russ.)
30. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 17 tomakh* [The Complete Works: in 17 Vols]. Moscow, Voskresen'ye Publ., 1994, vol. 4: Poems, 1817–1824. 515 p. (In Russ.)
31. Radishchev A. N. *Polnoe sobranie sochineniy* [The Complete Works]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1938, vol. 1. 506 p. (In Russ.)
32. Tomashevskiy B. *Pushkin: v 2 knigakh* [Pushkin: in 2 Books]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956–1961. (In Russ.)
33. Toporov V. N. *Pushkin i Goldsmit v kontekste russkoy Goldsmithiana'y (k postanovke voprosa)* [Pushkin and Goldsmith in the Context of Russian Goldsmithiana (On Posing a Problem)]. Vienna, Society for the Promotion of Slavic Studies Publ., 1992. 225 p. (Ser.: Vienna Slavic Almanac; Special Edition 29.) (In Russ.)
34. Fleyshman L. To the Description of the Semantics of “The Gypsies”. In: *Fleyshman L. Ot Pushkina k Pasternaku. Izbrannye raboty po poetike i istorii russkoy literatury* [Fleishman L. From Pushkin to Pasternak. Selected Works on the Poetics and History of Russian Literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006, pp. 31–45. (In Russ.)

35. Fridlender G. M. Pushkin’s Poems of the 1820s in the History of the Evolution of the Poem Genre in World Literature. (Towards a Characterization of the Narrative Structure and Figurative Structure of the Poems of Pushkin and Byron). In: *Pushkin. Issledovaniya i materialy* [*Pushkin. Research and Materials*]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 7: Pushkin and World Literature, pp. 100–122. (In Russ.)
36. Fridman N. V. *Romantizm v tvorchestve A. S. Pushkina* [*Romanticism in the Works of A. S. Pushkin*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1980. 191 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ростовцева Юлия Александровна, Julia A. Rostovtseva, PhD (Philology), кандидат филологических наук, редактор интернет-портала «Азбука веры» (ул. Крутицкий Вал, д. 14, г. Москва, Российская Федерация, 109044); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3236-199X>; e-mail: rostoyuliya@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 10.11.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 20.12.2025

Принята к публикации / Accepted 21.12.2025

Дата публикации / Date of publication 14.02.2025